

Кун с трудом продирается сквозь пелену дрёмы, только чтобы пожалеть о своём пробуждении. Боль во всём теле была настолько сильной, что не будь хантер суров как гром — он бы застонал.

Открыв глаза, кросс понимает, что понятие не имеет, где находится и как сюда попал. Какая-то комнатуха, обустроенная под операционную, в которую в здравом уме он бы ни за что не пошёл. Скорее всего: его здесь лечили, и Кун был уверен, что делали это, даже не спросив разрешения. Воин пытается пошевелиться, но понимает, что прикован к койке. Гордость не позволяет ему звать на помощь. Остаётся только ждать.

Боль никак не желает отступать, и раненый пытается отвлечься, но и с этим выходит заминка, так как события минувшего дня не желают проясняться. Обрывки некоторых событий не были способны восстановить всю картину, но могли вывести на верный путь. Кун помнил, как сражался с ублюдочным монахом, но не мог вспомнить: чем же закончился бой. Охотнику пришлось напрячься, прежде чем валуны памяти пришли в движение и прояснили происходящее.

Кросс-хантер помнил, как Ума Алактум заключил с ним сделку. Помнил тот момент, когда монах с безумным блеском во взгляде и дикой улыбкой на лице пообещал убить «барона работоторговли». Убить Юри Грекхема, только чтобы Кун сам не погиб в попытке сделать это. И всё ради того, чтобы охотник сразился с юношей на арене, лишь бы тот смог узнать: кто же из них сильнее.

Раненый воин помнил, как в конце первого дня турнира Ума отправил ему трёхмерное изображение. Изображение двух людей: мёртвого толстяка, лежащего в луже собственной крови и стоящего рядом с трупом мило улыбающегося монаха. Вместе с изображением юноша отправил хантеру и сообщение: «жду тебя завтра на ринге», — и Куну не оставалось ничего другого, кроме как сразиться с этим безумцем в полную силу... Но в полную он не смог...

Охотник вспомнил, как победил ветерана бойцовских ям интейку. Вспомнил, как кровь раненого противника разбавилась слезами от горечи поражения. Гис Шимута не мог простить себя за проигрыш, и боль от любой раны, нанесённой клинком хантера, была ничем по сравнению с болью от осознания своей слабости.

Кун вспомнил, как вышел на ринг против Умы Алактума, вспомнил, как платформа подняла их в воздух, вспомнил радостное возбуждение противника, и как он без предупреждения ударил по монаху...

В одном из баров «Ребелентиса» одноухий посетитель Марс Полий пересказывал происходящее на экране своему новому знакомому Фаррелу:

— Значиться так: участники стоят пока на неподвижной платформе и буравят друг друга взглядом. Кажется, монах улыбается — наверно он добрейшей души человек... Ого!

— Что стряслось? — уловив эмоции нового знакомого, спешит поинтересоваться авинец.

— Хантер атакует одновременно с сигналом начала боя! Ума ничего не успевает ему противопоставить! Кун беспрепятственно кромсает соперника! Монах падает на пол! Но платформа кренится, и хантер отступает! Ума медленно поднимается... хм...

— Что такое?

— Кажется, они разговаривают.

— О чём можно говорить во время боя?!

— Не знаю. Может они в любви друг другу признаются? Я где-то читал, что желание боя между мужчинами может быть вызвано скрытым гомосексуализмом. Кстати, жаль вы не видите, как монах скидывает свою рубу, ведь у него на всю спину татуировка кобры. Таких татушек я ещё не видывал. А я в них толк знаю, уж поверьте...

Кросс-хантер бросился на монаха одновременно с сигналом. Улыбка ещё не успела сойти с лица юноши, когда серповидный клинок добрался до плоти врага. Кровь окропила ринг. Зритель, сливаясь в единый безудержный организм, что-то закричал. За первым ударом последовал второй и третий, и четвёртый. Клинки рассекали монашескую рубу и кожу, и стальные мышцы. После пятого удара по корпусу Ума упал, и вслед за падением мини-ринг накренился, вынуждая Куна отпрыгнуть, чтобы сохранить равновесие и не лишиться опоры.

Охотник помнил, как поднимался на ноги его противник. Как монах скинул с себя искромсанный мечами рубу, оголяясь по пояс и заставляя женские сердца биться чаще. Кун помнил, как уловил на экране арены трансляцию происходящего, как камера показала Уму со спины. Как татуировка змеи, казалось бы, ожила, когда мышцы на его спине вздулись, раскрываясь подобно капюшону королевской кобры. Уже тогда хантер знал, что лишь несколько раз видел подобное телосложение. Было сложно представить: какие именно тренировки могли создать такое чудовище. И если сам охотник был воплощением воинской мощи, используя силу каменных валунов мышц, то мышцы монаха были невероятно сухи, подобно стальным струнам лежащим друг на друга и соединяясь в единый смертоносный инструмент. У хантера были подобные противники, были, но никогда прежде: ни на арене, ни после, Куну не противостояла такой масса сухих мышц — такой объём стонущих волокон, больше напоминающих хитиновый панцирь насекомого.

Пять кровоточащих порезов на груди и животе, казалось бы, не волновали юношу. Ума попробовал на вкус свою кровь, и ухмыльнулся:

— В этот раз ты смог меня поцарапать, но всё же я не впечатлён.

— Считаю это было приветствие: я и сейчас не бил в полную силу, — отвечает воин, — мне доводилось сражаться с такими как ты — вы всего лишь сформировали плотные и эластичные мышечные волокна, но и они поддаются разрушению, просто нужно бить немного сильнее.

— Что ж, посмотрим: хватит ли тебе на это сил, — улыбается монах.

Платформа начинает вращаться, и противники бросаются друг на друга...

— Ринг вращается туда-сюда! Бойцы метаются по платформе! Атакуют и уклоняются! — выкрикивает своему собеседнику одноухий посетитель бара. — Не пойму, что происходит! Монах хватает хантера, и они падают! Ринг наклоняется, и участники катятся к краю! Расцепились! Кун безостановочно бьёт по монаху, но его клинки не достают: парень отступает, выдерживая дистанцию! Платформа меняет положение! Ума прыгает на Куна — хантер теряет свои мечи! Кажется, это конец. Нет! Кун бьёт монаха локтями, начинает душить, но Ума

выкручивает ему руку! Парень ногами захватывает шею кросса, но хантер сбрасывает с себя монаха! Ринг снова наклоняется, и Ума толкает Куна к краю! Кун падает, но монах его хватает и затаскивает обратно на платформу! Ума выхватывает кинжал из голенища кросса и всаживает его в ногу хантера! Что же это творится, Космо его подери! Ума избивает Куна! Кун сопротивляется и бьёт в ответ, но монах будто обезумел! Что ж вы делаете то, люди добрые?

Внезапно Марс замолкает, когда к нему приходит осознание, что его нового знакомого уже нет в баре. И он, как успешный виртуальный блогер даже не догадывается, что это знакомство было не случайно...

Кун ненароком пошевелился, только чтобы ощутить очередную волну боли. Хантер не мог вспомнить точную хронологию боя с монахом, но общее впечатление забыть не мог. Юноша был быстрее его, но клинки давали воину преимущество в радиусе атак и в разнообразии. Кун помнил, как ему приходилось фокусироваться на каждом движении противника, не позволяя себе допустить ошибку: слишком слабый удар монах отбивал, а от слишком медленного уклонялся. Противники вели игру на истощение, не желая рисковать жизнями, ставя всё на один удар. Проиграть должен был тот, кто первым допустит ошибку. И первым ошибся Кун.

По-видимому, Ума гораздо лучше натренировал вестибулярный аппарат, что и дало ему преимущество на вращающемся ринге. Кун помнил, как был обезоружен, но и помнил, что сломлен не был. Он бил монаха, используя правило: кто не атакует, рано или поздно проиграет. И хоть хантер не уступал Уме в физической силе, навык рукопашного боя и взрывная мощь ударов монаха решили исход поединка. Если бы только не эта вращающаяся платформа!

Кросс помнил, как падал с ринга, и как Ума схватил его, не позволил упасть только чтобы продолжить веселье. Или быть может хантер и не хотел победы, а Ума это понял и решил наказать противника. Так или иначе, последнее, что помнил Кун — как его окровавленный противник методично, раз за разом наносил удары. А дальше только тьма... и пробуждение в этой странной комнате.

Наконец, в комнату кто-то зашёл...

К ведущему организатору турнира возвращалась головная боль. Энди ещё был занят промывкой мозга шпиона, поэтому Блюс начал подумывать о синтетическом порошке «нэн», хранящемся в нижней части его стола, как раз на случай таких сложных дней. Блюса останавливало только то, что завтрашние полуфинальные и финальные поединки турнира требовали полной собранности: слишком многое стояло на кону.

В следующую минуту виртуальный секретарь оповестил Блюса о посетителе, требующем аудиенции, и организатору пришлось дать согласие, не смотря на очередной внутричерепной укол. Должность гостя не предвещала ничего хорошего, поэтому, отбросив все сомнения, человек в клетчатом пиджаке втянул порошок правой ноздрей.

Не спеша в кабинет заходит средних лет представитель авинской расы.

— Добрый вечер, господин Блюс, — говорит он, не размыкая губ.

— Добрый вечер, господин инспектор, — вымученно улыбнулся хозяин кабинета, — присаживайтесь, прошу.

— Прощу, зовите меня Фаррелом, — авинец присаживается в кресло.

— Что ж, Фаррел, — организатор тарабанит пальцами по столу, — чем же я могу быть полезен инспектору безопасности? Неужто есть какие-то замечания по поводу организации турнира?

— Перейдём прямо к делу? Что ж, понимаю, Вы человек занятой, поэтому сразу предупрежу, что безопасность туристов я признаю удовлетворительной, вполне удовлетворительной. Тут дело в другом...

Блюс уподобляется статуе, в ожидании продолжения, и продолжение не заставляет себя ждать:

— Как Вы могли понять: мой визит имеет скорее личный характер, хотя лига прав человека будет считать, что мы беседуем о завтрашнем финале. И это хорошо, потому что я не хочу, чтобы кто-нибудь знал, о чём мы с вами будем вести беседу...

Хозяин кабинета по-прежнему молчит, и гость говорит:

— Скажем, представитель моей расы заметил нечто странное в рамках вашей юрисдикции. Казалось бы, не относящееся к его прямым должностным обязанностям, но всё же он может доложить об этом ввиду возможного правонарушения должностным лицом в вашем лице, простите за каламбур.

Организатор ждёт, не выказывая ни грамма нетерпения, и инспектор продолжает:

— Вы добились права на проведение «Нью Нова» — большая ответственность, скажу я Вам, но и возможности тоже не маленькие. И я говорю не о прибыли с тотализатора. Ведь для стыковки арены со станцией вам пришлось организовывать перестройку некоторых секторов. Я уже молчу о строительстве дополнительных жилых уровней, — заметив, что ведущий теряет терпение, Фаррел ускоряется, — меня привлекло нечто странное в одном из подвластных вам объектов, добавив конкретики, уточню, что это был сектор Z.

Блюс напрягся, но слепой собеседник ощутил это напряжение гораздо раньше.

— Знаете, — авинец решил больше не останавливаться, — у Вас отличная выдержка: так сдерживать чувства не каждый может. Ну да ладно, меня больше беспокоит, что бы мог сделать недобропорядочный гражданин, получи он в своё распоряжение не подлежащую проверке космическую станцию. Резервный сектор Z, обеспечивающий соблюдения сроков всех поставок на станцию постоянно пропускает через себя поток материальных запасов, брака и готовой продукции, так сказать. И никто особо не проверяет степень правдивости отчётов.

Хозяин кабинета, не способный больше сдерживать боль, начинает массировать висок, и гость, насколько может, сбавляет громкость:

— Знаете, многие на вашем месте могли бы использовать этот маршрут КОСМОТЕРМС для транспортировки нелегальной продукции. Конечно, смешон будет человек, подозревающий ВАС в обмане, но что если подозрения будут исходить от инспектора, посланного Лигой прав человека? Насколько я знаю: у Вас немало противников среди управленческого совета «Ребелентис», и уже они с радостью схватятся за возможность поподробнее с Вами, не говоря

о вышестоящих инстанциях.

Блюс, не стесняясь собеседника, достаёт порошок серебристого цвета и нюхает его правой ноздрей. Откидывается в кресле, тяжело вздыхает.

— Я вижу несколько вариантов развития событий, — продолжает меж тем Фаррел, — Вы можете просто выгнать меня вон, рассчитывая, что я ошибаюсь или блефую. Можете меня убить здесь и сейчас или убить меня позже, но при прекращении моей жизнедеятельности портативный блок даст сигнал тревоги, и даже при его блокировке лига знает, что я сейчас нахожусь на станции, и думаю, им не составит труда найти виновного. Можете нанять телепата и попытаться промыть мне мозги, но шансы сломать авинца просто смехотворны. Или вы можете со мной договориться, ведь ваш огрех формально вне зоны моей юрисдикции...

Кабинет кружится перед глазами организатора, а за прозрачной стеной открывается вид безумно привлекательных огней жилого квартала. Блюс выстукивает какую-то мелодию, и гость его не торопит, в лаконичной авинской манере позволяя принять верное решение. Наконец, ведущий организатор решает дать свой ответ:

— Вы не поверите, дорогой инспектор, но сегодня днём у меня уже была встреча со шпионом, и он был готов так же подвергнуть меня ликвидации. Но он сейчас жив, и если повезёт, то доживёт до старости, а ведь он всего лишь блудливый пёс, так что, думаю — это хорошая тенденция к вашему выживанию.

— Наверное, мне стоит сказать, что я рад это слышать.

— Не стоит, пока что Вам ничего не стоит говорить.

В комнате появляется человек из личной охраны Блюса, отчего Фаррел явно начинает нервничать:

— К чему это всё?

Блюс вскидывает руку, и охранник вгоняет в шею авинца иглу. Гость захлёбывается собственным бульканьем и сползает на пол. Портативный блок инспектора издаёт невнятные звуки, пока не гаснет от внешнего воздействия.

— Знаете, на взлом портативного блока Вашего типа уходит несколько часов. Этого более чем достаточно, чтобы сигнал дошёл до лиги прав человека. Но что если Ваш блок был взломан ещё вчера? Что если Вы пришли в логово зверя, совершенно без страховки вашей безопасности? Полагаю, что для Вас это кажется невозможным. Вот если бы я мог подделать эмоции, чтобы Вы не заподозрили меня в том, что я уже давно знаю о Вашем замысле — тогда вы бы не запустили сигнал тревоги. Но я не способен в открытую обмануть авинца. Полагаю, что никто на это не способен. Я сказал в открытую, а это значит, что есть всё-таки обходной путь обмана авинца, и это даже сложнее чем обмануть телепата, — ведущий организатор встаёт и подходит к подёргивающемуся телу инспектора, — вы считываете не мысли, а эмоции в чистом виде, и это единственное, что доставило мне проблемы. Я ведь минуту назад и не догадывался, что заранее знал о вашем приходе... Звучит безумно, но это так. Видите ли, господин Фаррел, два дня назад, когда Вы ощутили подозрительные эманации, исходящие из резервного сектора, Вы так же должны были уловить среди охраны присутствие другого авинца. А раз вы смогли его ощутить, то с чего Вы взяли, что он не смог обнаружить ваше присутствие? Или Вы его не обнаружили? Значит: он гораздо более одарён, чем вы и почувствовал Вас задолго до того, как позволил обнаружить себя. Кстати, его зовут Винсент. Второе имя не помню, какое-то распространённое. Тем не менее, его зовут Винсент. Почему я

не боюсь назвать Вам его имя? Вы уже и сами поняли.

Высокий человек в клетчатом пиджаке подходит к прозрачной стене своего офиса, чтобы наблюдать вечерние огни жилого квартала.

— И так как один из моих людей (представитель вашей расы) доложил о возможной угрозе ещё два дня назад, то мы успели подготовиться. Сколько же мороки было, скажу я Вам. И если бы только не угроза со стороны лиги...

Блюс решает скинуть с себя пиджак, туфли и, закрыв глаза, рухнуть в кресло, прежде чем его сухой голос завершит прощальный монолог:

— Мне пришлось разделить план вашего убийства на три составляющие: во-первых, сейчас по станции разгуливает Винсент, знакомится с туристами и представляется инспектором безопасности, представляется Вами, обеспечивая меня свидетелями Вашего здоровья. Вы никогда не приходили в мой кабинет, и прямо сейчас Вы не валяетесь на моём ковре, а знакомитесь в одном из баров с каким-то известным блогером. Во-вторых, зайдя в мой кабинет, ваш z-блок уже был взломан моими спец-программерами, и всё что мне оставалось — выиграть время, чтобы убедиться, что ваш блок не отправит и бита информации. Таким образом, сегодня же лже-инспектор в лице Винсента сядет на экстренный рейс отсюда вместе с настоящим портативным блоком некоего Фаррела, и как жаль, что рейс инспектора потерпит крушение, но как хорошо, что я окажусь вне подозрений лиги. Самым сложным было обмануть авинца, способного распознать блеф «за километр». Чтобы Вы не заподозрили ловушку, я попросил своего ассистента, обладающего даром телепатии, заблокировать мои воспоминания об этом плане. Память должна была вернуться через пять минут после нашей с Вами личной встречи. Но до тех пор, скажу я Вам, головная боль от воздействия на мою память меня просто убивала.

По велению босса, охранник вытащил иглу из шеи авинца, и инспектор, неистово кашляя, пришёл в движение. Фаррел пытался что-то сказать, но отсутствие голосовых связок не позволило ему этого сделать. Тогда авинец прибегнул к своей природе, и Блюс ощутил ментальный посыл со стороны проигравшего. Нечто, подобно бризу коснулось сознания организатора, и было в этом касании только одно — «смирение».

— Сейчас я бы мог тебя отпустить в надежде, что ты усвоил свой урок, — впервые в словах Блюса пробежали отголоски презрения, — поклянись ты мне в верности, и я бы вернул тебя обратно, ведь свой человек в лиге всегда пригодится...

Фаррел кивает, источая волны благодарности.

— С другой стороны: у меня была такая головная боль, что ты заслуживаешь умереть сразу после того, как я дал тебе надежду на счастливый исход...

Инспектор, стоя на коленях, дико замотал головой, позволяя всем присутствующим ощутить свой страх. Блюс смотрит на охранника. Секунда, и безжизненное тело авинца падает на пол...

Кун Антис сразу узнал вошедшего. Не узнать человека, избивавшего тебя в пылу своих садистских наклонностей, было не возможно. Торс юноши был забинтован после очевидной обработки порезов, а распущенные волосы под влиянием ловких пальцев неотвратимо превращались в косу.

— Как это понимать? Развяжи меня, ублюдок, — хрипотца в голосе хантера была как никогда

устрашающая. Но, несмотря на это, Ума не ответил, пока не закончил заплетать волосы.

— Что за неуважение к людям с длинными волосами? — юноша осуждающе качает головой, — сам то вон лысый ходишь, эх, люди-люди...

— Твои волосы меня волнуют меньше всего, какого хрена ты меня сюда притащил.

— Не стоит, не стоит скрывать свою зависть к моим волосам. Похоже: ты бредишь, раз говоришь такие глупости. — Ума выглядывает в открывшийся дверной проём, чтобы кому-то крикнуть:

— Доктор! Мы его теряем! — затем монах возвращается к койке хантера и, натягивая на руку фибрилляционную перчатку, шепчет самому себе. — Ничего, сейчас мы тебя вытащим, приятель, я оживлю твоё чёрствое сердце.

— Да это ты тут только бредишь! — пытаюсь разорвать сковывающие ленты, рычит Кун.

В комнату вбегает неряшливого вида человек. Он кричит: «нееееееет», — и прыгает, чтобы остановить монаха, но падает, так и не долетев до цели. Ума касается перчаткой груди Куна, и хантер замирает в ожидании удара — ничего не происходит, и Ума, смеясь, скидывает перчатку:

— Не волнуйся, она даже не была активирована, ахах, но я рад, что привлёк твоё внимание.

— Чего тебе надо? — не оценив шутки, рычит Кун.

— Для начала выслушай меня, — помогая встать горе-врачу, отвечает монах, — Док, ты в порядке?

— Ты опять забыл моё имя? — изображая величайшую обиду в мире, спрашивает неряха, но юноша его уже не слушает.

— Послушай, Кун, — говорит Ума под тяжёлым взглядом кросса, — у меня для тебя три хороших новости и три плохих. Пожалуй, начну с хороших. Во-первых, я бесчестно избил тебя на турнире не только из-за того, что ты меня разочаровал из-за твоего нежелания сражаться в полную силу, а чтобы тебя отправили в лазарет, и твои враги не смогли до тебя добраться. Во-вторых, один мой знакомый перепрограммировал здоровота, и он отвёз тебя не в здравпункт, а в наше конспиративное помещение, про которое никто не знает, так что ты здесь точно в полнейшей безопасности. Ну и последняя хорошая новость заключается в том, что наш друг доктор заранее обустроил это место для оказания первой помощи, так что он закончит твоё лечение, и вскоре ты будешь как новенький!

— Не смотри так на меня, — бубнит врач, — он меня заставил.

Кун явно не разделяет энтузиазма своего благодетеля, и, вероятнее всего, его голова занята мыслями об убийстве монаха. «Чего он так на тебя пялится?» — шёпотом спрашивает доктор, и юноша шепчет в ответ: «наверно, слишком гордый, чтобы выразить благодарность, или в нём всё ещё говорит зависть к моим волосам». «Может он из тех, кто предпочитает плохие новости хорошим?» — Ума пожимает плечами и обращается к хантеру:

— Что же касается плохих новостей, то ты не выйдешь отсюда до окончания завтрашних финальных поединков, уж извини. Во-вторых, смею тебя огорчить, что Юри Грекхем до сих пор жив...

Атмосфера в комнате изменилась.

«И затрещали ленты, из последних сил сдерживающие кросс-хантера, и был человек в тот момент подобен раненому зверю, и налились глаза его кровью, а в комнате запахло ненавистью и грядущей смертью...» — комментирует происходящее Ума.

Закончив сервировку стола, Ума садится напротив барона прямо на пол, сплетая свои ноги в неудобном положении.

— Итак, уважаемый э-э-э... господин Юри, — улыбается юноша, — я пришёл поговорить о том, что я должен вас убить...

— Интересно, — тонко протягивает барон, прежде чем гравитационный луч вдавливают Уму в пол.

Юноша распластался под невидимым прессом физического закона, но всё же, хоть и с трудом, был способен выплёвывать из себя слова:

— Кажется... Вы... меня не так поняли... уважаемый... Я должен убить... по договору... Но я изначально... не собирался... этого делать... я же... не идиот...

Гравитационная ловушка ослабевает, и монаху удаётся сесть.

— Начнём с начала? — сально улыбается барон.

— Начнём с того, как на этом турнире я познакомился с Куном Антисом...

Хантер безуспешно пытается разорвать путы, а Ума продолжает говорить:

— Я рассказал барону о том, что не мог позволить ему убить тебя до того как мы с тобой не сразимся. Я рассказал о том, что пообещал тебе убить это чудовище, и попросил работарговца подыграть мне для нашей всеобщей безопасности. Думая, что он мёртв, ты перестал быть угрозой, а барон, зная, что ты не угроза, не спешил тебя убивать. Взамен я пообещал ему лично тебя обезвредить и доставить живым ему в руки. Ты бы всё равно здесь умер, а так я смогу заработать на твоей смерти. Ничего личного, друг, ничего личного...

Юри Грекхем лежит на полу, пока Ума разливает вокруг него томатный сок.

— Нам бы ещё кетчупа не помешало, — облизывая пальцы, говорит юноша.

— У меня нет времени ждать доставку — посмотри, там должен быть соус дапазго или джарри, они тоже сойдут... Ты уверен, что у тебя всё получится?

— Конечно, не думаю, что Кун будет проводить диагностику цвета крови на снимке.

— Я не об этом...

— Не волнуйтесь, никому и в голову не придёт, что человек вашего уровня станет заниматься подобными вещами. Так что позвольте мне всё сделать без лишнего шума, и после турнира хантер будет весь Ваш. Надеюсь, с оплатой вы не станете меня обманывать.

— Что ты, я всегда держу своё слово, хи-хи.

— А теперь не улыбаться, можете даже вывалить язык, да, вот так, замрите... готово!

Врач вводит охотнику успокаивающее, и воплощение человеческой мощи начинает ослабевать.

— Так что третья плохая новость состоит в том, что завтра, после финала, когда станция будет праздновать, я передам тебя барону. — Говорит Ума, пока Кун ещё не уснул. — Уж извини, но говорю как есть. А теперь мне нужно идти, нужно готовиться к бою с Фином. Вероятно, что бой с мутантом будет самым весёлым событием турнира.

Перед тем как потерять сознание, Кун Антис успевает заметить, как задор во взгляде монаха сменяется бездонной печалью...

013

«Определяют ли нас наши поступки, или мы определяем наши поступки посредством нашего отношения к ним?

Если я скажу, что совершил ужасное, но при этом я не испытываю угрызений совести — о чём это говорит? Говорит ли это о том, что я плохой человек, или на самом деле ужасность поступка определена лишь навязанным нам мнением? И можно ли делать поспешные выводы, если я продолжаю придерживаться линии поведения хорошего персонажа? Тут одно из двух: или я на самом деле не хороший персонаж, или результат моих самых ужасных действий будет гораздо полезнее, чем любой из результатов хорошего поступка других людей. Напоминает логику больного человека. Но ты сама скажи: не будет ли причинение боли кому-либо с целью сделать его сильнее гораздо лучше, чем похвала и поддержка, что оставит человека существовать в болоте его собственных ограничений.

Не пойми неправильно: я не осуждаю твои методы работы. Ты всё делаешь правильно... потому что для тебя это естественно. Разве правильность нашего существования не определяет наше отношение к нему? Для каждого из нас, столь похожих и различных индивидов...

Сомнения, страхи — это всё не то, не это делает нас живыми. Это лишь инструменты, что оставляют нас в живых. По-настоящему живыми мы себя чувствуем, когда не сомневаемся в своих действиях.

Ты вытаскиваешь на поверхность лучшее, что есть в людях, и это правильно. Потому что ты сама не сомневаешься, что так надо. Кто-то не испытывает чувств, убивая людей, и для него это правильно. Кто-то не видит разницы между правдой и ложью. Кто-то никогда не причинит другим боль, а кто-то готов страдать за других. Это всё правильно, потому что естественно. И закон тут не имеет власти. Он лишь учит нас адаптироваться к обману и жизни в обществе. Такова наша природа, а природа пустоты не терпит. Нам нужны те, кто сделает всех чуточку лучше. Нужны те, кто будет продолжать обманывать, потому что будут и те, кто хочет быть обманут...

Можно ли оправдать убийства? Можно. Потому как что может быть логичней, чем истребление себе подобных в мире, где постоянно растущая популяция людей продолжает паразитировать на всём, чего касается?

Ты скажешь, что мои слова шиты белыми нитками. Пусть так. Вспомнишь насильников, расистов, тиранов и каннибалов. Что насчёт их естественности и правды? Не знаю... Но разве они не будут являться первопричиной оправданности убийству?

Чушь какая-то, вернёмся к более интересному...»

Мальчишка удерживает равновесие, стоя на одной руке. Кровь давит на голову, и ученик волнуется, как бы опять не пошла кровь носом. Не хватает воздуха, и сильно отвлекают капли пота, то и дело стекающие то тут, то там — будто мураши бегают. Но это ерунда: лучше уж стойка на руках, чем снова идти в зал манекенов, после которого и страх и синяки не проходили неделями.

— Отлично, — голос учителя сегодня как никогда полон яда, — за всю тренировку и ни разу не заныл. Надо почаще отправлять тебя к манекенам... в педагогических целях.

Парень молча становится на ноги и, с напускной апатией, идёт к капсуле. Вздыхает, погружаясь в холодную желеподобную массу кокона и ждёт, пока наставник не потребует пересказа очередного параграфа, статьи, артикула или цифровой вырезки. Всё равно, пока гель-стимулянт подействует, делать нечего.

— Ух, какие мы сегодня молчаливые, а ну ка, напомни мне учения Монтефьюпи об энергии, и её влияние на нашу галактическую систему Бездны.

Ученик молчит: спешить некуда, так почему бы не собраться с мыслями, если это не противоречит негласным правилам учителя. Монтефьюпи — это не сложно, его все знают, поэтому паренёк начинает с определённой бодростью:

«Альроб Куальго Монтефьюпи — человек, посвятивший свою жизнь изучению обрядов групп людей, так или иначе существующих в каждом Доме первого исхода. Эм, их глубинному изучению понятия энергии как материального и нематериального явления. Выдвинул многочисленные теории, получившие как признание, так и поборников в... то есть даже среди Союза Веста. Такие его работы как: закон мно... множественности форм, закон преобразования энергии, взаимосвязанной сдачи... нет, отдачи, обратного шага, сферического регресса и тому подобные, получили своё подтверждение. И не столько в научных центрах, сколько в схожести учений отдельного развития с учётом их невозможности контакта между собой.

Согласно его записям, энергия есть понятие гораздо более сложное, чем обычный человек может себе представить. Если вода имеет четыре состояния по своей структуре, то энергия имеет более десятка форм, каждая из которых в свою очередь может иметь более одного состояния. По сути, и люди, и окружающие их предметы есть лишь набор химических элементов в разных сноше... ой, соотношениях, в то время как любой химический элемент есть определённая форма энергии, также взаимодействующая в определённой пропорции. Только если химическая реакция протекает при определённых условиях, то энерго-элементы, в свою очередь, находятся в постоянной взаимосвязи вне зависимости от пространства между ними, так как пространство также является одним из состояний энергии. Монтефьюпи в своих работах пытался связать всё и ничего. Влияние информации на жизнь, влияние информации на мир, на изменение заистинелых фактов. Изменение положения вещей в мире относительно веры людей в определённые факторы истины. Взаимосвязь духовного и физического начала, их влияние и взаимозависимость. Он самостоятельно приходил к выводам, аналогичным учениям монахов Лиан-Чжунь, аскетов школы Рамашиты, проповедников Люци... ну, и остальных там. Только в зависимости от учений, где всё принимается на веру, Альроб искал логическое объяснение всем существующим явлениям. Вследствие этого: ему приходилось глубоко изучать каждое учение, чтобы его теории могли увидеть свет.

Многолетние медитации вкупе с боевыми тренировками делают из монахов смертоносное оружие: эту истина передаётся из фильма в фильм, где худо-бедно есть любой персонаж похожий на монаха... я вот люблю такие фильмы, я бы и сам стал... ладно, продолжим...

Монтефьюпи изучал: каким образом медитация позволяет овладеть нечеловеческими возможностями и такие уж ли эти возможности нечеловеческие. Его выводы были неоднозначны. Прежде всего, он подтвердил, что в процессе медитации человек в первую очередь усиливает контроль над своим телом и разумом, тем самым обеспечивая себе моральную стабильность и, со временем, способность управлять реакциями организма: работа надпочечников — выброс адреналина, лобная доля мозга — выброс эндорфинов, гипоталамус — развитие восприятия, и тому подобные штуки. В любой школе боевых искусств результатом медитаций являлось увеличение силы и скорости, что объяснялось как адаптация клеток тела организма к большим объёмам выработки энергии. Тело сжигает больше калорий за ту же единицу времени, вырабатывая большее количество энергии, сопровождаемое большим количеством тепла и, соответственно, ускоренным метаболизмом. Это также объясняло ощущения во время медитативных практик, ускоренную регенерацию организма и неспособность физически слабого человека ощутить результаты большинства техник.

Но также имелись случаи явлений, неспособных фиксироваться ни одной аппаратурой, что вынуждало задумываться об изучении энергии на микро атомном уровне. Изменение генетического кода с помощью длительных мыслительных посылов. Воздействие на организм посредством одного касания. Ощущение кровожадного настроения за пределами распространения феромонов. Понятие интуиции, и её эволюция вплоть до ясновидения. Телепатия и её формирующие...

Альроб Куальго получил бы свои ответы, если бы жил во времена Второго Исхода. Умерев задолго до этого, он не увидел, как телепатия получила свои редкие ростки в обществе, начиная с повсеместного управления ко... компьютеризированной техникой посредством мысли и заканчивая появлением таких профессий как программисты и макропат. Он не смог определить частоту волн, испускаемых человеческим мозгом, посему и не смог досконально изучить изменение реальности от приверженности информационного посыла, рождённого желанием индивида. Тем не менее, союз Веста лицемерно присвоил учёному посмертную степень магистра...»

Молчит ученик. Молчит учитель. Биогель перестаёт щипать, ушибы и ссадины слегка утихли, а значит: можно было вылезать.

— Хорошо, — наконец нарушает тишину голос наставника, — в этот раз ты почти ничего не упустил, но ничего, подумай, забыл рассказать о самом важном... можешь идти домой, родители наверно заждались.

Мальчишка рывков покидает кокон и, скрипя зубами, направляется в душевую, злясь на себя за мимолётную веру в невозможную похвалу...